

Правда. - 1993. - Битник.

Вечность в запасе

Владимир Маяковский в литературе — явление мирового масштаба и опровергать это бессмысленно. Помнится, в самый разгар «перестройки» некие жуки от литературы подняли возню вокруг имени поэта и его творчества. Признание величия поэта в глобальном масштабе — все еще впереди. Потому что, несмотря на всю нынешнюю актуальность своей поэзии, Маяковский — поэт из будущего. Это признавала и Марина Цветаева: «Правнуком своим проживши, кончил — прадедом своим». А в прозе Цветаева говорит: «Двенадцать лет подряд человек-Маяковский убивал в себе Маяковского-поэта, на тринадцатый поэт встал и человека убил. Если есть в этой жизни самоубийство, оно не там, где его видят... длилось оно не спуск курка, а двенадцать лет жизни».

На этот раз поэтесса неточна, отсчитывая годы творчества лишь от времен революции. В поэзии Маяковский работал два полных десятилетия. И что же, рубеж 18-го года его раздвоил?

Хотя с первым из приведенных наблюдений Цветаевой нельзя не согласиться: да, Маяковский — поэт из будущего. Что же было в личности Владимира Владимировича, в его творчестве от «правнука»? Пожалуй, прежде всего непосредственность, слишком чистое восприятие жизни, пренебрежение теми условностями, какие так важны для большинства живущих, — богатством, сытостью, уютом, почетом. Жизнь он воспринимает как сферу, наполненную светом, чистой помыслов и теплом человеческих сердец.

Но Маяковский в то же время не был идеалистом. Взрывной, постоянно находившийся на людях, фактически он всегда оставался одиноким. Вот авторское свидетельство: «В детстве, может, на самом дне, сносных найдут десять дней». Поймите, поймите, это как же так: здоровый во всех отношениях ребенок из благополучной семьи и вдруг — несчастен? Любимый к тому же родителями и сестрами. И окружающий грузинский мир по-доброму относился к семейству Маяковских.

Метод исключения оставляет нам право лишь на один вари-

ант ответа: покоя не дает мятухая натура. Пытливый детский ум подвергает окружающее посильному анализу, пропускает свои переживания через сердце. Эта постоянная работа души, мятения духа формируют в растущем человеке все те качества, которыми Маяковский на любом этапе своей жизни замечательно отличался.

В 1909 году, находясь в Бутырской тюрьме, он пробует себя в поэзии. Потом, когда через 11 месяцев его выпустили на свободу, ту тетрадку со стихами отобрали тюремные надзиратели. «Спасибо», — говорит он им задним числом в автобиографии («Я — сам», имея в виду слабость тех первых опытов, и по памяти воспроизводит как образец одно четверостишие:

В золото, в пурпур леса
одевались,
Солнце играло на главах
церквей.

Ждал я: но в месяцах дни
потерялись,
Сотни томительных дней.

Бесконечная череда времен года, «сотни дней» — это уже годы. Они проходят, а чудо так и не совершается. Какое чудо? А чтобы мир подобрел, чтобы люди сердца распахнули навстречу друг другу. Душа тем временем продолжает титаническую работу, мечется, ищет союзников. Тщетно.

К 20 годам вылилась горькая самооценка внутреннего состояния: «Я одинок, как последний глаз идущего к слепым человека». Слепые и на этот раз его не услышали. Впрочем, кому это нужно в обществе с волчьими законами?

Следом — «Облако в штанах». По одной лишь этой поэме видно, как хочется поэту быть понятым. Но люди в основном воспринимают жизнь лишь через факты, выводы, догмы, то есть схватывают мир через констатацию таких понятий. Это — уровень, объясняемый степенно образованности. Но если при этом не распаивается душа, то где-то обязательно вылезает лицемерие, которое оборачивается

жестокостью, в лучшем случае — равнодушием.

Крик души, зарифмованный в «Облаке», тоже остался неслышанным. Господи, это какую же опустошенность надо почувствовать и пережить после того, как ты высказал сокровенное, но так и остался непонятым! Могучейший стресс (гордым и эмоциональным людям знакомо такое состояние), который вызывает мысли о ненужности жизни, о твоей никчемности в ней. Вполне вероятно, что именно в такой момент и пришла Маяковскому мысль о том, как все может быть просто, если лечь на рельсы и тогда «обнимет мне шею колесо паровоза».

Мысль мелькнула, но, слава Богу, ушла, и вновь берет верх идея о возможности общения, понимания: «Но мне люди — и те, что обидели, — вы мне все-го дороже и ближе». И иллюстрирует: «Видели, как собака бьющую руку лижет?» Да нет же, речь не об унижении. «Слушайте же: все, чем владеет моя душа, — а ее богатство пойдите смерти ей! — великопение, что в вечность украсит мой шаг, и самое мое бессмертие, которое, громыхая по всем векам, колесом преклоненных соберет вековое вече, — все это — хотите? — сейчас отдам за одно лишь слово — ласковое, человечье».

Глухо.

«Все чаще думаю — не поставить ли лучше точку пули в своем конце. Сегодня на всякий случай даю прощальный концерт».

«...Теперь такая тоска, что только б добежать до канала и голову сунуть воде в оскаль».

Революция всколыхнула Владимира Маяковского. Свержение самодержавия ему по нутру: «Сегодня рушится тысячелетнее «Прежде». С еще большей полнотой отвечали воззрениям поэта идеи Октябрьской революции. Как же он мог воспринять ее, если не с радостью, но с торжеством? Первые за десятилетия шевельнулась надежда, родилась идущая изнутри искренняя радость: «Когда я итожу то, что

прожил, и роюсь в днях — ярчайший где? Я вспоминаю одно и то же — двадцать пятое, первый день».

Конечно, это поэтическое преувеличение, на самом деле ярких дней было гораздо больше. Это даже та взбудораженность и вдохновенность, с какой Владимир Владимирович оформлял «Окна РОСТА». В этом месте можно с Цветаевой и согласиться с тем, что Маяковский убивал в себе поэта. С другой стороны, человеку, для которого не настал этот «одинадцатый» день, и в голову не придет писать «о пробках в Моссельпроме». Да еще такому талантисту. А он, талантлище, имея в виду в основном именно этот период, говорил: «И мне бы строчить романсы на вас — доходней оно и прелестней. Но я себя смирил, становясь на горло собственной песне».

Главное тут другое — поэт, как всегда, искренен: «Огромный, покрытый кровавою ржой, народ, голодный и голоштаный, к Советам пойдет или будет буржую таскать, как и встарь, из огня каштаны?»

Народ пошел к Советам.

Глубокого знания марксистской теории у поэта не было, поэтому он полагался в основном на свою интуицию и верил, что ожидания не напрасны. Просто нужно время, нужны люди — умные, честные и чистые. И, конечно, компетентные в своем деле.

Грамотеи сегодняшнего дня, плотно сомкнув ряды, из всех рупоров ежечасно усердствуют: «Социализм — неудавшийся эксперимент. Это доказано перестройкой». Перестройка между тем показала, что губителен для страны и ее общества как раз возврат к прошлому. Демагоги (по-нынешнему — популисты) это тоже, пусть не сполна, но понимают, однако как признаешься? Время еще не пришло, чтобы вновь перекаркаться.

...Так вот народ в итоге пошел к Советам. Жизнь после гражданской войны поменьше налаживалась. Забрехала воз-

можность заокеанской командировки. Маяковский боготворил Америку, представлял ее себе как образец государства, взлет которого обеспечен научно-техническим прогрессом. По-доброму завидуя этим достижениям и сокрушаясь небывалой отсталостью своей страны, он мечтательно восклицает: «Пойди, битюгом Россию промеряй-ка! Но будет миг, верую, скоро у нас паровозная встанет Америка!»

И вот в 1925 году долгожданное путешествие состоялось. Все вроде подтвердилось: Америка — действительно передовая страна. Но все же, день ото дня окунаясь в жизнь заокеанского общества, чувствует поэт что-то знакомое, вызывающее горечь. И когда окончательно понял, что же вызывает в нем внутренний дискомфорт, разочарованно сформулировал: «Я стремился за 7000 верст вперед, а приехал на семь лет назад». Такой взгляд доступен лишь человеку новой формации.

Вспомните, как много раз свидетельствовали советские люди: стоило надолго остаться в какой-нибудь западной стране, как начинала накатываться тоска и все сильнее тянуло домой: поговорить не с кем и не о чем, круг интересов собеседников ограничивается только разговорами о бизнесе, прибылях, боязни разориться или потерять работу. Деньги, деньги, деньги...

В любом обществе в периоды политических и экономических кризисов неизбежно начинает ползти вверх кривая криминальных проявлений. Мы ужасаемся невиданному разгулу преступности в России, но по этому показателю все еще позади Штатов. Представляете, позади, по сравнению с государством, переживающим далеко не худшие времена! Так какой социальной строй здоровее, надежнее, перспективнее?

Вот все это и имел в виду В. Маяковский, когда с грустью и разочарованностью неожиданно обнаружил, что передовая в экономическом и техническом отношении страна в 1925 году являла собой в социальном плане то же, чем была Россия 1917 года.

Безоговорочное принятие ре-

волюции вовсе не означает пересмотра Маяковским личных идеологических воззрений. Так уж вышло, что его жизненное кредо полностью совпало с программой деятельностью РКП.

Тем активнее третировали Маяковского многие, причем изощренно, и, как можно судить из известных документов, помещенных в полном собрании сочинений, травлили бездари, сумевшие обосноваться в агитпропах и издательствах. Им-то в основном и удалось в значительной мере подкосить великана своими иезуитскими методами. Искусственно создавая ситуации, в которых Маяковскому больше приходилось тратить времени на проблему издания своих сборников и собрания сочинений, чем на самое творчество. И когда он в порыве откровения «сообщает», что к нему подступает — амортизация сердца и души, это не просто мощнейший наплыв внутренней усталости.

Ведь эти наплывы имеют свойство наслаиваться.

Следующее свидетельство подтверждает эту догадку: «Семь лет я стою. Я смотрю в эти воды, к перилам прикручен канатами строк. Семь лет с меня глаз эти воды не сводят. Когда ж, когда ж избавления срок?» И он, все еще сомневаясь, делает окончательный вывод: «Верить бы в загробь. Легко прогулку пробную. Стоит только руку протянуть — пуля миглом в жизнь загробную начертит гремущий путь».

Хочется надеяться, что стих его «прорвет громаду лет» и как честная и яркая иллюстрация происходивших социальных процессов будет столь же честно использован учеными будущего, чтобы соскребить с истории все наслоения.

Владимир КОЛМОГОРОВ.

г. Киржач,

Владимирская область.

Рисунок Э. ЯРОВА
(из архива «Правды»).